

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-385-396

EDN: ZKXGDM

Научная статья / Research article

Геополитика: проблемы и инструментальность на примере геополитических концепций в странах Индо-Тихоокеанского региона и Южной Атлантики

А.В. Шабара

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 shabaga-av@rudn.ru

Аннотация. Исследуются проблемы генезиса геополитических учений, связанные с приписыванием пространству институциональных атрибутов. В этой связи проанализированы онтологические основания геополитики и возможности ее эффективного использования. В работе показано, что кажущаяся инструментальность геополитического способа исследования основывается на принимаемых на веру мифологемах, то есть лежит за пределами научного знания. В качестве основных мифологем используются панидеи, талассократия и теллурократия, концепции Хартленда и Римленда и др. Применение в практической политике геополитической аргументации служит лишь прикрытием для конкретных внешнеполитических действий. Именно поэтому исследование геополитики представляет для науки специальный интерес. Рассматривается также категория комплементарного пространства, подчас дополняющая концепцию мнимого пространства и являющаяся в дальнейшем составной частью геополитических теорий. На примерах геополитических конструктов, возникших в странах Ближнего и Среднего Востока, Индо-Тихоокеанского региона и Южной Атлантики, выявляется как их связь с классической геополитикой, так и специфика собственных концептов. Под этим ракурсом изучены синоцентричная концепция мирового «сообщества единой судьбы», геополитический аспект индийской концепции хиндутва, основанные на панидеях иранские и турецкие конструкты, южноафриканская концепция «острова Африки», японские геополитические проекты «Великой азиатской сферы процветания» и «Бриллиант безопасности», а также осевые конструкты бразильских и индонезийских геополитиков. Методической основой исследования является критический анализ, смысл которого заключается в соотношении методологической базы геополитики с конкретными концепциями и доктринами. Автор приходит к выводу, что распространение геополитических идей, сформированных в западных странах, за пределы Старого Света лишь расширило и разнообразило сферу применения этих идей, не принося в них что-то новое. В целом геополитические конструкты, основанные на мнимых пространствах, несмотря на определенную востребованность в мире науки и в политике, не дают приемлемого эффекта в обеих областях.

Ключевые слова: теоретические проблемы геополитики, мифологема геополитики, мнимое пространство в геополитике, комплементарное пространство, инструментальные проблемы геополитики

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шабара А. В. Геополитика: проблемы и инструментальность на примере геополитических концепций в странах Индо-Тихоокеанского региона и Южной Атлантики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 385–396. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-385-396>

© Шабара А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Geopolitics: Problems and Instruments Using the Example of Geopolitical Concepts in the Countries of the Indo-Pacific and the South Atlantic Regions

Andrei V. Shabaga

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 shabaga-av@rudn.ru

Abstract. The study dedicates to the genetic problems of geopolitical doctrines associated with the attribution of institutional attributes to space. It analyses the ontological foundations of geopolitics and the possibilities of its effective use. The work demonstrates that the apparent instrumentality of the geopolitical method of research is based on myths taken on faith, that is, it lies outside the boundaries of scientific knowledge. Panideas, thalassocracy and tellurocracy, the concepts of Heartland and Rimland, etc., are used as basic mythologemes. The use of geopolitical argumentation in practical politics only serves as a cover for specific foreign policy actions. And that is why the study of geopolitics is of special interest to science. The article examines the category of additional space, which sometimes complements the concept of imaginary space and subsequently forms an important part of geopolitical theories. Examples of geopolitical constructs that have emerged in the Middle East, the Indo-Pacific and the South Atlantic are used to explore both their connection to classical geopolitics and the specificity of their own concepts. From this perspective, the Sinocentric concept of the world “Community of Common Destiny,” the geopolitical aspect of the Indian concept of Hindutva, Iranian and Turkish constructs based on panideas, the South African concept of the “Island of Africa,” the Japanese geopolitical projects of the “Great Asia Co-Prosperty Sphere” and the “Security Diamond,” axial constructs of Brazilian and Indonesian geopoliticians. The methodological basis of the study is critical analysis, which means correlating the methodological basis of geopolitics with specific concepts and doctrines. As a result, the author concludes that the spread of geopolitical ideas formed in Western countries outside the Old World has only expanded and diversified the scope of their application, without bringing something new to them. In general, geopolitical constructs based on imaginary spaces, despite a certain demand in the world of science and politics, do not give an acceptable effect in both areas.

Key words: theoretical problems of geopolitics, mythologemes of geopolitics, imaginary space in geopolitics, complementary space, instrumental problems of geopolitics

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Shabaga, A. V. (2024). Geopolitics: Problems and instruments using the example of geopolitical concepts in the countries of the Indo-Pacific and the South Atlantic regions. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(3), 385–396. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-385-396>

Введение

Задача исследования состоит в выявлении и определении специфики геополитики в связи с проблемами, порожденными особенностями геополитического мышления. В качестве объектов исследования выбраны геополитические концепции стран Индо-Тихоокеанского региона и Южной Атлантики. Эти концепции, определяя пространство в качестве главного инструмента постижения внешнеполитических процессов, во многом созвучны известным западным мифологемам (панидеи (Naumann, 1915; Kjellén, 1920, p. 40), географическая ось, Хартленд и Римленд (Spykman, 1944, p. XII; Mackinder, 1996,

p. 106), «кровь и почва»¹, талассократия и теллутократия (Schmitt, 2008)), которые опираются на то, что мы определяем как категорию мнимого пространства. К указанным концепциям примыкают комплементарные этим мифологемам культурное, лингвистическое, конфессиональное и другие пространства (Сорокин, 1996, с. 31–32), а в одном из бразильских вариантов — даже геологическое пространство.

Методической основой исследования послужил критический анализ, смысл которого заключается в соотнесении методологической

¹ Darré R. W. O. Um Blut und Boden: Reden und Aufsätze. München : Franz Eher Nachf., 1940.

базы геополитики с конкретными концепциями и доктринами, используемыми в странах исследуемых регионов (Поппер, 1983, с. 52).

Ключевые геополитические концепции стран Индо-Тихоокеанского региона и Южной Атлантики

Начнем с рассмотрения концептов стран БРИКС. Прежде всего обратимся к *китайской школе геополитики*, которая пока находится в стадии становления. Это обстоятельство связано с тем, что геополитика признается в Китае порождением западной мысли, поэтому в стране существуют определенные сомнения, следует ли включать свои воззрения на роль и назначение Китая в проблемное поле геополитики (Чжан, Королев, 2010, с. 96–110). При этом у Китая есть свои, уходящие в древность представления о том, как должна быть выстроена иерархия пространственной организации политического мира. Китаецентричная концепция «Тянься» (*tianxia*) помещала центр Земли во дворец императора. Этот дворец окружен несколькими соподчиненными пространствами: сначала чиновниками, затем подданными, далее — вассальными государствами и, наконец, «наружными» территориями, населенными варварами, — чужой землей (*hua wai zhi [de di]*). В одном из управленческих трактатов древности указывается, что Поднебесная вмещает в себя «всё, что есть под Небом», и потому «если вы все плывете в одной лодке, то, перейдя реку, вы все получили выгоду»².

Современное толкование позволяет включить концепцию *Тянься* в геополитический контекст, где она вполне способна заместить макиндеровскую трактовку евразийского пространства. Это подразумевает, что ключ к Евразии находится не в России, а в Китае, который в силу своего местоположения является подлинным центром. Соответственно Северная, Центральная и Южная Евразия выступают ближней периферией, а Европа как полуостров громадного евразийского континента — дальней периферией (Hamashita, 1997, pp. 113–115).

² У-Цзин. Семь военных канонов Древнего Китая. Санкт-Петербург: Евразия, 2001. С. 76.

В этом контексте можно рассмотреть инициативу «Пояс и путь», выдвинутую председателем КНР Си Цзиньпином и направленную на реализацию коммуникационных, финансовых, торговых и военно-политических проектов с целью доминирования сначала в ближней (Su, 2016, p. 19), а в перспективе и в дальней периферии: «Совместное строительство „Пояса и пути“ призвано сплотить и соединить Азию, Европу, Африку и омывающие их океаны»³. В рамках этой инициативы Китай стремится выстроить гармоничное сочетание четырех сетей мирового значения: глобального управления, глобального партнерского взаимодействия, стратегической коммуникации и регионального сотрудничества (Yu, 2016).

Освоение Китаем морских пространств Индийского океана в ходе реализации программы «Нить жемчуга» привело к заключению межправительственных соглашений о строительстве портовой инфраструктуры для китайских торговых и военных судов (Ли, 2011, с. 162–172). Ее контуры состоят из линий коммуникационной поддержки: северной (порты Таиланда, Мьянмы, Бангладеш, Шри-Ланки и Пакистана), западной (порты Омана, Йемена, Джибути, Кении, Танзании и Мозамбика), южной (порты Сейшельских островов и Мадагаскара). Заметим, что эти линии во многом повторяют англо-саксонские цепи — Гонконг, Бруней, Сингапур, о. Диего-Гарсия, Катар, Оман, Найроби и др.⁴, что с очевидностью указывает на противостояние двух проектов друг другу. Конечная цель, провозглашенная Си Цзиньпином, предусматривает

³ Tui dong gong jian si chou zhi lu jing ji dai he 21 shi ji hai shang si chou zhi lu de yuan jing yu xing dong // “Yi dai yi lu” guo ji he zuo gao feng lun tan chou bei wei yuan hui mi shu chu [Перспективы и действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века // Секретариат Подготовительного комитета Форума международного сотрудничества «Пояс и путь»]. 07.04.2017. (На китайском языке). URL: <http://2017.beltandroadforum.org/n100/2017/0407/c27-22.html> (accessed: 14.02.2024).

⁴ Vorndick W. China’s Reach Has Grown; So Should the Island Chains // Asia Maritime Transparency Initiative. October 22, 2018. URL: <https://amti.csis.org/chinas-reach-grown-island-chains/> (accessed: 14.02.2024).

построение глобального «общества с единой судьбой»⁵, значительную роль в котором будет играть Китай. Практическая реализация этой концепции должна привести к освоению сначала евразийского, а затем и мирового пространства.

Основы *индийских геополитических воззрений* опираются на концепцию «саптанга» (семь элементов царства), разработанную в трактате «Артхашастра», авторство которого приписывается Каутилье (ок. 370–283 гг. до н. э.)⁶. «Артхашастра» на протяжении многих веков формировала в индийской научной мысли в качестве идеала империю Маурьев (322–187 гг. до н. э.). Эта империя, в создании которой Каутилья принимал непосредственное участие, располагалась на территории почти всего п-ова Индостан. С ней соотносятся современные индийские концепции, которые на явном или неявном уровне содержат претензии на доминирование в масштабах субконтинента и его сухопутной и океанической периферии (Vajrai, 2014, pp. 115–149). Следует также отметить, что непосредственным предшественником современной Индии является британская Индийская империя (*Indian Empire*), в состав которой входили также Пакистан, Бангладеш и Мьянма. После освобождения от колониальной зависимости в 1947 г. на Индийском субконтиненте возникла конкуренция между новообразованными государствами. В результате соперничество за территорию с одним из своих соседей — Пакистаном — не дает современной Индии возможности направить всю энергию на континентальную Азию и Индийский океан. Это привело к сужению стратегического потенциала Индии в рамках заявленных ею геополитических претензий (Menon, 2021).

В последние годы стал все более явно проявляться новый геополитический

конструкт индийской внешней политики. В качестве концепции, объединяющей население, была предложена доктрина «индусскости» (*хиндутва*), разработанная в 1920-х гг. В.Д. Саваркар. Согласно *хиндутве*, Индийский субконтинент является исконным пространством индуизма и других, отчасти родственных ему, коренных религий: буддизма, сикхизма, аяявари и джайнизма. Поэтому индийцами могут считаться только те, кто исповедует эти религии и для кого именно Индия является «святой землей». Уникальность таких людей заключается в том, что они воплощают в себе единство крови, почвы и религии⁷. Из этого определения следует, что миллионам индийских мусульман и христиан в «индусскости» отказано, что придает *хиндутве* специфическое геополитическое измерение. Оно заключается в том, что исходный пункт предопределяет противостояние индийского мира со всем неиндийским.

Опираясь как на древние, так и на современные конструкты, индийские геополитики делят мировое пространство на четыре концентрические окружности.

В пространство первого круга входит сама Республика Индия. Во второй круг — государства Индийского субконтинента — Пакистан, с которым идет борьба за субконтинентальное первенство, и Бангладеш. В этот круг также входят Непал, Шри-Ланка, Бутан, Афганистан, Мальдивы и ряд других территорий, некогда относившихся к ведической цивилизации и потому входящих в зону индийских интересов⁸. Взаимодействие с этими странами, известное сейчас под названием политики «Соседство прежде всего» (*Neighbourhood First Policy*), является общим для всех правительств Индии, начиная с выхода страны из-под британского господства (Aryal & Bharti, 2023, pp. 225–230). В третье кольцо, согласно политике «Смотри

⁵ Wang J. Six Principles of the “One Belt and One Road” Strategy // Boao Forum for Asia Conference 2015: Asia’s New Future: Towards a Community of Common Destiny. 2015. P. 3. URL: <http://english.boaoforum.org/u/cms/www2/201503/25112018qw3q.pdf> (accessed: 14.02.2024).

⁶ Артхашастра, или Наука политики. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1959. С. 292–362.

⁷ Maratha A. (Savarkar V. D.) Hindutva. Nagpur: V.V. Kelkar, 1923. P. 97–103.

⁸ Мохан Р. Новая внешняя политики Индии // Геополитика. Информационно-аналитическое издание. Вып. XIX: Индия. 2013. С. 7. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Geopolitic/2013_XIX_1.pdf (дата обращения: 14.02.2024).

на Восток» (*Look East policy*), провозглашенной в 1991 г. премьер-министром Нарасимхой Рао, вошли страны Юго-Восточной Азии. В дальнейшем оно было расширено за счет Центральной и Восточной Азии. К четвертому кругу относится остальной мир, в пространстве которого Индия стремится стать державой глобального уровня (Gujral, 1998, p. 15). В ходе реализации этой цели Индия, даже заключая договоры о стратегическом партнерстве с США и Россией, проводит курс стратегической автономии, не желая связывать себя слишком тесными союзническими обязательствами ни с одной из великих держав (Сучков, 2023).

Бразильские геополитики представляют свою страну как стержневое государство, основу всех интеграционных процессов Южной Америки (Rivarola Puntigliano, 2011, pp. 850–861). Основанием для гегемонии Бразилии являются географические размеры, демографический потенциал и экономическая мощь.

Опираясь на теорию М. Травассоса, согласно которой бассейн Амазонки представляет собой интеграционную ось не только Бразилии, но и всей Южной Америки (Travassos, 1935), бразильские геополитики объявили континентальным Хартлендом (Буэла, 2012, с. 522) территорию бразильского штата Мату-Гросу (Do Couto e Silva, 1981), ибо именно здесь сходятся оси территориальной интеграции и развития Южноамериканского и Карибского регионов (Teles de Lima, 2015, pp. 7–8). Создание южноамериканского общего рынка (Меркосур) в 1991 г. актуализировало значение этого пространства. В результате геополитическое значение Бразилии возросло за счет возможности коммуникационного объединения систем Амазонии и Ла-Платы с Тихоокеанским и Карибским бассейнами (Roseira, 2011, p. 163).

Концептуальной особенностью бразильской геополитической мысли является стремление дистанцироваться как от Старого Света, так и от США посредством представления страны в качестве антиколониальной державы. В этом ключе (антиколониальном и антирасовом) выдержана многоуровневая южноатлантическая доктрина Бразилии, основу

которой составляет концепция «Голубой Амазонки». Согласно концепции, Южная Атлантика состоит из вод рек Амазонского региона и потому должна быть признана зоной бразильских интересов. Следствием этого стала организация Бразилией в 1986 г. Южно-Атлантической зоны мира и сотрудничества (*Zona de Paz e Cooperação do Atlântico Sul*), включившей ряд южноамериканских и западноафриканских стран, располагающихся по обе стороны «Атлантического ущелья».

Особый интерес для Бразилии представляют португалоговорящие африканские страны. Стремясь разработать свою версию трансатлантических отношений, конкурирующую с созданной США североатлантической версией, бразильцы пытаются показать, что Южная Атлантика является их зоной ответственности. В этом контексте западноафриканское побережье трактуется как часть бразильского оборонительного периметра.

Еще одним направлением бразильских геополитических притязаний является Антарктида. По словам Т. де Кастро, Бразилия является для Антарктики тем основанием, которое решит ее судьбу. В особенности это относится к ближайшему по отношению к Бразилии сектору Антарктиды (*Antártica Brasileira*), который «бросает вызов пространству ее сферы господства» (de Castro, 1976, p. 24).

Из формирующихся в настоящее время геополитических школ Африки наибольший интерес представляет *южноафриканская*. Согласно заявлениям руководителей Южно-Африканской Республики (ЮАР), они представляют Африканский континент как «остров Африка», где назначение ЮАР заключается в бремени лидера в контексте меняющегося внешнеполитического ландшафта. Материковое лидерство заключается в защите африканского континентального и морского пространства в целом⁹. Однако безусловной зоной своей геополитической ответственности ЮАР считает территорию южнее Сахары.

⁹ Mthembu P., Kornegay F., Jr. Africa and the World: Navigating Shifting Geopolitics // Institute for Global Dialogue. 2020 (February). Iss. 135. P. 2–4. URL: <https://igd.org.za/publication/africa-and-the-world-navigating-shifting-geopolitics/> (accessed: 14.02.2024).

Основными ее соперниками там, по мнению президента ЮАР в 1999–2008 гг. Т. Мбеки, являются США, «не учитывающие интересы африканских стран», и Китай, постоянно расширяющий влияние в регионе, что чревато превращением ЮАР в младшего партнера (Adebajo, 2008, p. 132).

Из этого следует, что геополитические притязания ЮАР оказались инвариантны расовым и идеологическим характеристикам власти в стране. После победы Африканского национального конгресса над режимом апартеида в 1994 г. стремление властей ЮАР к гегемонии не были утрачены. Сменились союзники: если раньше власти страны опирались на правительства, вооруженные повстанческие группировки и объединения белых колонистов сопредельных стран (Южная Родезия, Юго-Западная Африка, РЕНАМО (*Resistência Nacional Moçambicana*) в Мозамбике, УНИТА (*União Nacional para a Independência Total de Angola*) в Анголе и др.), то теперь союзниками стали их противники, пришедшие к власти: Зимбабвийский африканский национальный союз — Патриотический фронт, Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО) (Намибия), ФРЕЛИМО (*Frente de Libertação de Moçambique*) (Мозамбик), Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА) и др.

Таким образом, геополитика ЮАР основывается на идее двойного лидерства: во-первых, регионального (африканский Юг), которое она воспринимает в качестве неотъемлемой части своего непосредственного влияния, а во-вторых, континентального, которое рассматривается как естественное первенство по совокупности политической, технологической и экономической значимости. Впрочем, некоторые характеризуют это как гегемонию (Alden & Schoeman, 2015, p. 201).

Для недавно вошедшего в состав БРИКС **Ирана** свойственна геополитическая поливалентность. Его геополитические конструкты определяются тремя основными концепциями: паниранизмом, паншиизмом и связанной с ними обоими доктриной «матери городов».

Современный паниранизм связан с деятельностью Махмуда Афшара (1893–1983 гг.),

стремившегося создать концепцию, противостоящую претензиям пантюркизма на территории Центральной Азии и Кавказа. Идеи паниранизма, получившие развитие в ряде публикаций¹⁰, привлекли в 1923 г. внимание Реза-хана, который после восшествия на престол в 1925 г. вывел их на уровень государственной пропаганды с некоторым неоахеменидским оттенком. Неоахеменизм увеличивал паниранистские претензии, поскольку при Ахеменидах границы страны простирались от Греции до Индии. Тем не менее в дальнейшем ни при Резе-шахе, ни при его наследнике эта концепция не определяла внешнюю политику страны.

Паниранизм получил второе дыхание в XXI в., когда стало очевидно намерение США окружить не желающий подчиняться Иран своими сателлитами. Наиболее показательно в этом отношении высказывание командующего Корпусом стражей исламской революции в 1981–1997 М. Резайи. В конце 2020 г. он заявил: «Если Большой Иран появится к северу от (Персидского) залива и Оманского моря, 15 стран присоединятся к Ирану. Если будет сформирован Большой Иран, он будет вмешиваться в выработку глобальной политики. Наш долг — вернуть славу, величие и могущество древней Персии, и мы сможем выполнить эту задачу»¹¹.

В сегодняшнем Иране конкуренцию паниранизму составляет паншиитская концепция. Ее истоки берут начало в XVI в., когда шиизм в стране был объявлен государственной религией. В современном мире зона распространения шиизма примерно соответствует пространству, подчиненному некогда державе Ахеменидов, а затем вошедшему в состав других персидских государств (от Малой Азии до Гиндукуша и от Азербайджана до Омана). И хотя шиизм появился на

¹⁰ Afshar M. Masale-ye melliyat va-vahdat-e melli-ye Iran [Проблема национализма и единства Ирана] // Ayandeh. December 1927. P. 559–569. (На персидском языке).

¹¹ Al-Sulami M. Tehran's 'Greater Iran' Dream a Threat to the Region // Arab News. December 14, 2020. URL: <https://www.arabnews.com/node/1777331> (accessed: 14.02.2024).

много лет позже крушения первого персидского государства, такое совпадение вряд ли можно считать случайностью. По всей вероятности, укоренение этого направления ислама среди этносов, имевших отношение к персидской культуре, имеет ценностную природу (Мутаххари, 2008).

Однако до недавнего времени шиитской политической парадигмы практически не существовало, поскольку среди ряда направлений этого течения было распространено убеждение о том, что религия не должна напрямую вмешиваться в политические процессы. Ситуация изменилась в ходе исламской революции в Иране 1978–1979 г., имеющей ярко выраженный шиитский характер. Ее лидер Р.М. Хомейни в ряде своих публикаций выдвинул тезис общности религии и политики¹². Это вызвало обеспокоенность в соседних странах, заставив их заподозрить Иран в наличии «шиитского проекта», согласно которому шиизм используется в сопредельных странах со значительным числом приверженцев этого направления в качестве инструмента политического влияния. Под этими странами подразумевают Ливан, Сирию, Иран, Ирак, часть Саудовской Аравии, Бахрейн и Йемен. На этом основании в среде египетских и иорданских политиков возник термин «шиитский полумесяц», который охватывает суннитские страны арабского мира с северо-востока (Al Safi, 2021, pp. 653–656).

Третья концепция иранской геополитики представляет собой комбинацию паниранистской и шиитской идей, результатом чего стала панисламистская концепция шиитского толка. В ней Иран представлен в качестве ядра мировой мусульманской общины (*Умм аль-Кура* — Мать городов). Изначально эта идея, которую выдвинул в конце XIX в. один из основателей панарабизма Абд ар-Рахман аль-Кавакиби, предполагала возвращение столицы исламского мира из Стамбула в Мекку. Спустя столетие один из руководителей иранской внешней политики М.-Дж. Лариджани перетолковал ее в шиитско-паниранистском контексте политики

экспорта исламской революции. Исламская революция, согласно М.-Дж. Лариджани, переместила центр ислама — *Умм аль-Кура* — в пространство, занимаемое иранским этносом. Поскольку этот факт не может носить случайный характер, его следует истолковывать в духе предопределения об особой роли иранских шиитов в деле объединения всех мусульман в рамках единого наднационального образования¹³. Это положение находится в тесной связи с тезисом аятоллы Хомейни о том, что защита Исламской Республики Иран является крайне важным вопросом, «обязательным для всех мусульман»¹⁴.

Обзор геополитических доктрин продолжим *турецким* направлением геополитики, которому также свойственны колебания между разными измерениями. Характерной чертой турецкой геополитики (в особенности в ее современном виде) является частая смена критерия в деле восприятия политического пространства. Государственный подход сменяется этническим, затем — конфессиональным, потом снова государственным и т. д. Эти подходы соответствуют концепциям панисламизма, пантюркизма/пантуранизма и неоосманизма.

Турецкий панисламизм основывался на том, что османские султаны с 1517 г. провозглашались халифами и в этом качестве — покровителями всего пространства, населенного мусульманами. Идея османизма как особой формы геополитической идентичности, объединяющей представителей всех народов и конфессий Османской империи, возникла к середине XIX в. Неудачи в Балканских войнах и Первой мировой войне (1912–1918 гг.) привели к смене не выдержавшей испытаний османской парадигмы на пантюркистскую. Первоначально попытка противопоставить турецкое население империи остальным этносам и распространить свое влияние на

¹³ Larijani M.-J. Kaavosh-haaye nazari dar siyosat khaareji [Теоретические изыскания по внешней политике]. Tehran: Scientific and Cultural Publishing Company, 1997. P. 49. (На персидском языке).

¹⁴ Imam Khomeini. Sahifeh Enghelaab. Ketaab 20 [Книга Революции. Кн. 20]. Tehran: Publication of the Ministry of Culture and Islamic Guidance, 1368 SH. P. 13. (На персидском языке).

¹² Имам Хомейни. Путь к свободе: речи и завещание. Москва: Палая, 1999. С. 214–215.

тюркские народы за пределами Османской империи привела к катастрофе, угрожающей краху государства. Тогда новый лидер Мустафа Кемаль Ататюрк упразднил халифат в 1924 г., объявил о светском развитии, отказался от притязаний на ряд нетюркских территорий, а также взял курс на либерализм и национализм, под которым понималась полная тюркизация оставшегося населения страны.

В конце XX в. на смену прежним геополитическим конструктам пришел неоосманизм. Его автором считается президент Турции в 1989–1993 гг. Т. Озал, идея которого состояла в воссоздании у народов Ближнего Востока якобы утраченной османской макроридентичности (Nakan Yavuz, 1998, pp. 23, 40), с тем чтобы вернуть Турции роль гегемона в Ближневосточном регионе. В 2001 г. была опубликована работа А. Давутоглу «Стратегическая глубина: международное положение Турции» (Davutoğlu, 2001), в которой отстаивалась необходимость опираться на весь комплекс предшествующих конструктов, соединяя неоосманизм, панисламизм, пантюркизм и атлантизм. Такой сплав разнородных концепций стал основой для многомерной политики¹⁵, позволяющей Турции реализовывать разные практики в зависимости от региона.

В этой трактовке неоосманизм предназначался главным образом для Балкан и Южного Кавказа. При этом делался упор не на национализм (*milliyetçilik*), а на национальность (*milliyet*), допуская таким образом, что национальность может быть полиэтнична (Nakan Yavuz, 2016). В дальнейшем это нашло свое выражение в провозглашении населения Турции, Азербайджана и Северного Кипра одним народом. Турецкий панисламизм был ориентирован на Ближний Восток, пантюркизм — на Северный Кавказ и страны Центральной Азии, а атлантизм — на Европейский союз (вхождение в который, по мнению А. Давутоглу, желательно).

¹⁵ Öztürk A. Die geostrategische rolle der Türkei in Vorderasien // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2006. No. 4. URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/29958/die-geostrategische-rolle-der-tuerkei-in-vorderasien/> (accessed: 14.02.2024).

Подобная многомерность породила колебания внешней политики Турции: от пантюркизма в 1992–1997 гг., предполагавшего расширение влияния от Балкан до Синьцзяна (идея конфедерации всех тюркских народов) к неоосманизму в 2002–2009 гг., для которого стало характерно пристальное внимание к Ближневосточному региону, и вновь возврат к пантюркизму в 2011–2022 гг. В ходе палестино-израильского конфликта 2023 г. президент Р.Т. Эрдоган перенес акцент на исламскую составляющую турецкой политики¹⁶. Многомерная политика дает возможность в зависимости от ситуации резко менять геополитический вектор, но, будучи непоследовательной, не отличается эффективностью.

Для японской геополитической школы характерна конкуренция альтеразиатских и паназиатских проектов. Общим для обоих проектов является их нацеленность на модернизацию, развитие и внешнеполитическую экспансию в Азии.

Автором первого проекта был Ю. Фукудзава. В эссе, озаглавленном «Прочь из Азии» («Дацуарон», 1885 г.), он призывает к забвению национальных традиций и замене японских ценностей на западные¹⁷.

Паназиатская концепция наиболее известна в версии Т. Танаки. На основании собственного истолкования цитаты, почерпнутой в одной из японских хроник («Соберу восемь углов и сделаю их своим домом»¹⁸), Т. Танака выстроил учение о предназначении Японии для мирового господства. С конца 1920-х гг. эта концепция пространственного оформления мира с Японией во главе приняла вид официальной идеологии. В 1940–1945 гг.

¹⁶ Aydıntaşbaş A. The Sultan's Ghost: Erdoğan and the Israeli-Palestinian Conflict // Brookings. November 22, 2023. URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-sultans-ghost-erdogan-and-the-israeli-palestinian-conflict/> (accessed: 14.02.2024).

¹⁷ Совастеев В. В. Геополитика Японии. С древнейших времен до наших дней : учебное пособие. Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 2009. С. 68.

¹⁸ Wartime Slogan Should Stay Buried // The Japan Times. March 24, 2015. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2015/03/24/editorials/wartime-slogan-should-stay-buried/> (accessed: 14.02.2024).

«углы» начали собирать в рамках проекта «Великой восточноазиатской сферы процветания» (1940–1945 гг.). Согласно официальным заявлениям, цель проекта заключалась в создании альянса восточноазиатских народов, свободного от западного влияния.

Американская оккупация привила японским политологам атлантические ценности. В теоретическом отношении это проявилось в принятии идей англо-саксонской школы геополитики, ориентированной на помощь США в контроле над евразийским побережьем по всему его периметру. В этом духе выдержаны две концепции начала XXI в. Обстоятельства не дали воплотить их в жизнь, но сами по себе они представляют характерные образчики современной японской геополитической мысли.

Первой была концепция «Дуги свободы и процветания», которую выдвинул министр иностранных дел Т. Асо в 2006 г.¹⁹ Ее смысл заключался в создании зоны дружественных или зависимых стран от Скандинавии, постсоветских республик, Афганистана и Индии до Юго-Восточной Азии и Австралии с Новой Зеландией. При взгляде на карту становится ясно, что смысл дуги заключается в окружении России и Китая, из чего следует, что, во-первых, Япония пытается включить в круг своего политического влияния значительные территории евразийского пространства, частично входившего в «Великую азиатскую сферу процветания», а, во-вторых, концепция окружения России и Китая своими союзниками указывает, что именно эти страны Япония по-прежнему считает своими основными геополитическими противниками.

Затем концепцию «Дуги свободы» сменила другая — «Бриллиант безопасности», предложенная премьер-министром С. Абэ в 2012 г. и подразумевавшая морской союз Японии, США, Индии и Австралии для

¹⁹ Speech by Mr. Taro Aso, Minister for Foreign Affairs on the Occasion of the Japan Institute of International Affairs Seminar “Arc of Freedom and Prosperity: Japan’s Expanding Diplomatic Horizons” // Ministry of Foreign Affairs of Japan. November 30, 2006. URL: <https://www.mofa.go.jp/announce/fm/aso/speech/0611.html> (accessed: 14.02.2024).

осуществления надзора за всеми коммуникациями в Индийском и Атлантическом океанах²⁰. В рамках этого союза Японию прежде всего интересует контроль над континентальной периферией. Это стремление всегда было отличительной чертой японской геополитики. Однако если прежние геополитические концепции были ориентированы, прежде всего, на непосредственный захват и японскую оккупацию, то теперь взят курс на атлантизм, связанный со стремлением решать свои проблемы, опираясь на возможности англо-саксонского блока.

Из формирующихся в настоящее время геополитических конструктов выделим **индонезийскую концепцию**. Ее основу составляет выдвинутая в 1945 г. основателями современной Индонезии концепция *вавасан нусантара* (архипелажное представление). Согласно этой концепции, индонезийский архипелаг является неделимым, то есть включает территории других государств, и выступает в качестве ядра Нусантары, то есть малайского мира, в который входят также Малайзия, Бруней, Сингапур и Филиппины. В 1953 г. первый президент страны Сукарно в качестве основной геополитической задачи указал на необходимость морского господства, для чего следовало построить большой торговый и мощный военный флот. В 2014 г. эта концепция была дополнена в рамках новой доктрины президента Джоко Видодо — «Индонезия — морская ось мира» (Hidayat & Ridwan, 2017, pp. 83–85).

В первом приближении разработанная группой индонезийских геополитиков²¹ концепция Джоко Видодо направлена на тесное сплочение сначала собственно Индонезии, а затем мира Нусантары в целом (как совокупности островных и полуостровных

²⁰ Сато Х. Японские геополитические концепции: значение концепции «Бриллианта безопасности» // Япония наших дней. 2013. № 1. С. 103–107. URL: https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/jnd_15.pdf (дата обращения: 14.02.2024).

²¹ Connolly A. L. Indonesian Foreign Policy Under President Jokowi // The Lowy Institute for International Policy. October 2014. P. 5. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/184801/indonesian-foreign-policy-under-president-jokowi_0.pdf (accessed: 14.02.2024).

малайских народов). Однако потенциал концепции существенно выше, поскольку ее геополитическая составляющая представляет собой заявку на особое место индонезийского региона в глобальном политическом процессе, вплоть до достижения мирового лидерства. Концепция знаменует собой поворот в «архипелажной» политике страны, заявляя о мировом значении Индонезии как морского коммуникационного центра глобального значения (Simarmata et al., 2023, p. 357).

С одной стороны, это основано на фиксации факта постепенного перемещения центра мировой политики в ее военно-политическом и финансово-экономическом измерениях в Индо-Тихоокеанский регион. Одним из показателей такого изменения является то, что около четверти мирового производства товаров и трети нефти проходят через Малаккский пролив между Индонезией и Малайзией²².

С другой стороны, «архипелажная» концепция представляет собой декларацию о том, что отныне именно Индонезия является географическим центром Индо-Тихоокеанского региона. Таким образом, можно заключить, что цель концепции заключается в декларации о грядущем изменении миропорядка, основанном на континентальном измерении геополитики. В таком контексте в новых условиях прежняя, провозглашенная Х. Макиндером, ось истории (российский Хартленд) замещается новой морской осью, проходящей по территории Индонезии, которая и будет оказывать определяющее влияние на геополитическое развитие мирового пространства. Действуя в этом направлении, руководство Индонезии в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) предприняло ряд шагов по продвижению концепции «Индо-Тихоокеанского мировоззрения», предполагающей общее для стран региона восприятие геополитического пространства (Liow, 2018, p. 177).

²² Ho Ting Hung. Can China Escape the Malacca Dilemma? // National Interest. May 30, 2023. URL: <https://nationalinterest.org/feature/can-china-escape-malacca-dilemma-206505> (accessed: 14.02.2024).

Заключение

В заключение отметим, что в рассмотренных нами концепциях присутствует практически весь набор геополитических мнимостей. Обращение к ним должно, по мнению их адептов, указать или решить текущие внешнеполитические проблемы. Будучи основой политических решений, они приобретают вполне реальное, хотя и весьма отличное от предполагаемого, наполнение.

Возьмем конструкт глобального переустройства. Например, являющуюся ответом американскому глобализму китайскую идею преобразования пространства. Она воплотилась в концепцию о мировом сообществе «с единой судьбой». Потенциал этого синоцентричного в своей основе замысла не менее значителен, чем американская мечта о глобализации, новом неолиберальном миропорядке с гегемонией США.

Теллурукратические идеи оказались близки южноафриканским концептам, ориентированным на доминирование в масштабах Африканского континента. В индонезийских доктринах заметно влияние талласократического учения, а современная — осложнена еще и осевой концепцией (морская ось Джокко Видодо). Осевая концепция повлияла и на геополитические доктрины Бразилии.

Современная геополитика Турции использует то миф пантюркизма, где внимание обращено на прекрасное будущее, то — неоосманизма, где в качестве ориентира указывается славное османское прошлое. Иранским доктринам изначально была присуща опора на лингвистическое и культурное изменение политического пространства. В дальнейшем наибольшее значение приобрела конфессиональная — шиитская — составляющая, являющаяся доминантной в настоящее время. В связи с этим можно указать на то, что концептуальное различие в турецком и иранском подходах определяется также представлением об идеальном (на деле — мнимом) пространстве. У турок оно под влиянием текущих политических потребностей формируется военно-политическим предводителем (султаном или лицом, его замещающим).

У иранцев, в особенности после исламской революции, организаторами политического пространства являются представители духовенства — имамы, апеллирующие к Богу.

Этноконфессиональный вариант, напоминающий конструкты представителей немецкой школы, — это индийская *хиндутава*. Учение *хиндутвы* пытается увязать внешнюю политику с метафизическими процессами этнократического свойства, что походит на положения о неразрывной связи крови и почвы. Японская школа первоначально делала акцент на социал-дарвинистском понимании международного взаимодействия, выражавшемся в стремлении к непомерному расширению, которое было с большим трудом остановлено в ходе Второй мировой войны. Однако нельзя сказать, что оно преодолено до конца, так как проявляется в продолжающихся до сих пор отчаянных спорах Японии за пограничные острова чуть ли не со всеми своими соседями. Хотя, возможно, это уже явление другой природы, вписывающееся — наряду с попытками охвата евразийского

побережья (спайкменовского Римленда) — в контекст атлантистского направления внешней политики современной Японии.

В целом следует сказать, что конструкты, основанные на мнимостях, хотя и обладают — благодаря кажущейся инструментальности — определенной востребованностью как в мире науки, так и в политике, не дают приемлемого эффекта ни в той ни в другой области. Достаточно указать на крах политики тех государств, лидеры которых положили в основу панидеи (пангерманизм, панславизм, панарабизм и т. д.). Другое дело, когда геополитика представляет собой только способ «пространственного» прикрытия реальной политики. И вполне вероятно, что в ряде вышеописанных случаев мы имеем дело именно с этим феноменом. Из этого следует, что распространение геополитических идей в регионы, расположенные далеко за пределами Старого Света, не вдохнуло жизнь в старые конструкты, сделав их более основательными, а только расширило и разнообразило сферу их применения.

Поступила в редакцию / Received: 19.02.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 12.06.2024
Принята к публикации / Accepted: 26.06.2024

Библиографический список

- Буэла А. Геополитика Южной Америки // Геополитика и международные отношения / под ред. А. Г. Дугина. Москва : Евразийское Движение, 2012. С. 520–527. EDN: WFINNN
- Ли Г. Стратегия «Нитки жемчуга» в контексте морской стратегии КНР // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 162–174. EDN: KFUCDT
- Мутаххари М. Иран и ислам: история взаимоотношений. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2008. EDN: QUODBP
- Поппер К. Логика и рост научного знания. Москва : Прогресс, 1983.
- Сорокин К. Э. Геополитика современности и геостратегия России. Москва : РОССПЭН, 1996.
- Сучков М. А. «Незаменимый» партнер для «незаменимой» супердержавы // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 2. С. 166–178. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-166-178>; EDN: RGAHNO
- Чжан Ж., Королев А. Н. Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 96–110. EDN: ZSYAWL
- Adebajo A. The Bicycle Strategy of South African's Bilateral Relations in Africa // South African Journal of International Affairs. 2008. Vol. 15, iss. 2. P. 121–136. <https://doi.org/10.1080/10220460802636141>
- Al Safi B. The Regional Counter-Blocs Strategy in the Context of the Middle East Second Cold War // International Journal of Scientific Research and Management. 2021. Vol. 9, no. 6. P. 652–657. <https://doi.org/10.18535/ijstrm/v9i6.sh01>
- Alden C., Schoeman M. Reconstructing South African Identity Through Global Summitry // Global Summitry. 2015. Vol. 1, iss. 2. P. 187–204. <https://doi.org/10.1093/global/guw001>
- Aryal S. K., Bharti S. S. Evolution of 'India's Neighbourhood First Policy' Since Independence // Society. 2023. Vol. 60, no. 2. P. 224–232. <https://doi.org/10.1007/s12115-023-00819-y>

- Bajpai K.* Indian Grand Strategy: Six Schools of Thought // *India's Grand Strategy: History, Theory, Cases* / ed. by K. Bajpai, S. Basit, V. Krishnappa. New Delhi : Routledge India, 2014. P. 113–150. <https://doi.org/10.4324/9781315733975>
- Davutoğlu A.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul : Küre Yayınları, 2001.
- De Castro Th.* Rumos a Antártica. Rio de Janeiro : Livraria Freitas Bastos, 1976.
- Do Couto e Silva G.* Conjuntura Política Nacional: O Poder Executivo & Geopolítica do Brasil. Rio de Janeiro : J. Olympio, 1981.
- Gujral I. K.* A Foreign Policy for India. New Delhi : External Publicity Division, Ministry of External Affairs, Government of India, 1998.
- Hakan Yavuz M.* Social and Intellectual Origins of Neo-Ottomanism: Searching for a Post-National Vision // *Die Welt des Islams*. 2016. Vol. 56, no. 3–4. P. 438–465. <https://doi.org/10.1163/15700607-05634p08>
- Hakan Yavuz M.* Turkish Identity and Foreign Policy in Flux: The Rise of Neo-Ottomanism // *Critique: Critical Middle Eastern Studies*. 1998. Vol. 7, no. 12. P. 19–41. <https://doi.org/10.1080/10669929808720119>
- Hamashita T.* The Intra-Regional System in East Asia in Modern Times // *Network Power: Japan and Asia* / ed. by P. J. Katzenstein, T. Shiraiishi. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1997. P. 113–135. <https://doi.org/10.7591/9781501731457-006>
- Hidayat S., Ridwan H.* Maritime Axis and Indonesia's National Security: Challenge and Hope // *Jurnal Pertahanan dan Bela Negara*. 2017. Vol. 7, no. 3. P. 83–98. <https://doi.org/10.33172/jpbh.v7i3.242>
- Kjellén R.* Grundriss zu einem System der Politik. Leipzig : S. Hirzel, 1920.
- Liow J. C.* Can Indonesia Fulfill Its Aspirations to Regional Leadership? // *International Relations and Asia's Southern Tier: ASEAN, Australia, and India* / ed. by G. Rozman, J. C. Liow. Singapore : Springer, 2018. P. 175–187. https://doi.org/10.1007/978-981-10-3171-7_12
- Mackinder H. J.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Washington, D.C. : National Defense University Press, 1996.
- Menon S.* India and Asian Geopolitics: The Past, Present. Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2021.
- Naumann F.* Mitteleuropa. Berlin, Boston : De Gruyter, 1915. <https://doi.org/10.1515/9783112385241>
- Rivarola Puntigliano A.* 'Geopolitics of Integration' and the Imagination of South America // *Geopolitics*. 2011. Vol. 16, no. 4. P. 846–864. <https://doi.org/10.1080/14650045.2010.549863>
- Roseira A. M.* Nova Ordem Sul-Americana: Reorganização Geopolítica do Espaço Mundial e Projeção Internacional do Brasil [PhD thesis]. São Paulo : Universidade de São Paulo, 2011. <https://doi.org/10.11606/T.8.2012.tde-14122012-094017>
- Schmitt C.* Land und Meer. Eine weltgeschichtliche Betrachtung. Stuttgart : Klett-Cotta, 2008.
- Simarmata H., Rafliana I., Herbeck J., Siringardane-de Zoysa R.* Futuring 'Nusantara': Detangling Indonesia's Modernist Archipelagic Imaginaries // *Ocean Governance: Knowledge Systems, Policy Foundation and Thematic Analyses* / ed. by S. Partelow, M. Hadjimichael, A. K. Hornidge. Cham : Springer, 2023. P. 337–363. https://doi.org/10.1007/978-3-031-20740-2_15
- Spykman N. J.* The Geography of the Peace. New York : Harcourt, Brace, 1944.
- Su Ge.* The Belt and Road Initiative in Global Perspectives // *China International Studies*. 2016. Vol. 57. no. 5. P. 5–27. URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/chintersd57&div=4&id=&page=> (accessed: 12.01.2024).
- Teles de Lima W.* A Geopolítica Brasileira, o Papel de Mário Travassos e as Implicações na Constituição do Sistema Geográfico no Eixo de Integração e Desenvolvimento de Manaus/Caribe [PhD thesis]. Curitiba : Universidade Federal do Paraná, 2015. URL: <https://acervodigital.ufpr.br/xmlui/handle/1884/40532> (accessed: 12.02.2024).
- Travassos M.* Projeção Continental do Brasil. São Paulo : Companhia Editora Nacional, 1935.
- Yu Jun.* “Yi dai yi lu” chang yi yu zhong guo wai jiao bu ju [Инициатива «Пояса и пути» и планы китайской дипломатии // Исторические записки Хэйлунцзяна]. 2016. No. 3. P. 46–49. (На китайском языке).

Сведения об авторе:

Шаблага Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 6526-4436; ORCID: 0000-0001-7610-9721; e-mail: shabaga-av@rudn.ru